Я.В. САМОХВАЛОВА
(Волгоград)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГУМИЛЁВСКОГО МИФА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX – XXI вв.

Выделяются основные этапы функционирования гумилёвского мифа в русской литературе. Прослеживаются особенности каждого этапа, и рассматриваются наиболее характерные для них тексты. Устанавливаются закономерности трансформации гумилёвского мифа.

Ключевые слова: *Гумилёв, гумилёвский, миф, мифологизация, биографический, функционирование.*

Мифологизация русской литературы и русских писателей – неотъемлемое свойство логоцентричной русской культуры. М.Н. Эпштейн отмечает, что массовое сознание в России содержит исключительно литературные образы: «Русская литература изобилует мифами, поскольку в общественном сознании и не существует ничего, кроме литературы и ее производных» [12, с. 412]. Ученый также выделяет два основных условия возникновения мифа о писателе: воплощение в какого-либо персонажа (желательно лирического) и «недовоплощенность» писателя, которому ранняя трагическая смерть не дала реализоваться в литературе полностью.

Современное литературоведение насчитывает немало работ, посвященных изучению мифов об А.С. Пушкине (Г.А. Доброзракова, Л.А. Карпушкина), М.Ю. Лермонтове (А.А. Кудряшова), А.П. Чехове (А.Г. Бондарев, А. Щербакова), Ф.М. Достоевском (И.В. Львова, В.С. Вайнерман, М.В. Загидуллина), Л.Н. Толстом (Г.А. Тиме). По А.Г. Бондареву, «мифологическое искажение личности и творчества… включает в себя агиографический компонент, “подгонку” под определенные сюжетные линии и сценарии, и “культ личности” как один из главных сопроводителей писательского мифа» [1, с. 2–3].

Особенность гумилёвского мифа заключается, во-первых, в максимальной приближенности мифологизируемого поэта к нашей эпохе; во-вторых, в необычайной востребованности по сравнению с образами его современников, чьи трагические судьбы также могли послужить (и служили) объектом мифологизации; в-третьих, в вынужденно «нелегальном» функционировании, обусловленном замалчиванием по политическим причинам (что, в сущности, является наиболее благоприятной почвой для стихийного мифотворчества, в отличие, например, от пушкинского мифа, который в советскую эпоху формировался «организованно, целенаправленно и “научно”, путем квалифицированной комбинации действительных черт, изымаемых из целостного контекста» (цит. по [4, с. 28]); в-четвертых, в мученической смерти поэта, полностью соответствующей агиографическому канону и эффектно подытоживающей «автобиографический миф» о Поэте, Путешественнике и Воине (здесь мы опираемся на определение Д.М. Магомедовой, которая под автобиографическим мифом понимает исходную сюжетную модель, получившую в сознании поэта онтологический статус, рассматриваемую им как схема собственной судьбы и постоянно соотносимую со всеми событиями его жизни, а также получающую многообразные трансформации в его художественном творчестве [8]).

В функционировании гумилёвского мифа в русской литературе XX – XXI вв. можно выделить следующие «точки перелома»: 1) расстрел (1921 г.); 2) наложение вето на творческое наследие – относительно постепенное (в 1935 г. Н.С. Гумилёв был последний раз бегло упомянут в «Малой советской энциклопедии»); 3) несостоявшаяся для поэта «оттепель», ознаменовавшаяся разве что возвращением его имени в «Малую советскую энциклопедию» (3-е изд.); 4) знаменитая публикация 1986 г. в журнале «Огонек», обозначившая официальное возвращение имени Н.С. Гумилёва в литературный обиход. Следовательно, правомочно говорить о пяти этапах становления и развития гумилёвского мифа. Следует оговориться, что, учитывая мощное влияние внелитературных факторов, мы вынуждены маркировать границы этапов упоминаниями имени Н.С. Гумилёва в энциклопедиях, учебниках, а также научных и научно-публицистических статьях. Однако предметом нашего исследования является бытование мифологизированного образа Гумилёва в произведениях художественной литературы, достаточно обширно представляющих каждый из этапов.

Этап прижизненного становления мифа (1886–1921 гг.). Этот период характеризуется

© Самохвалова Я.В., 2011

«диалогом» автобиографического и биографического мифов: современники «“досоздавали” творимый образ поэта в процессе восприятия» [7, с. 3]. Ярким примером подобного «диалога» может служить знаменитый эпизод, описанный И. Одоевцевой, – появление Гумилёва во фраке 13 февраля 1921 г. на «Торжественном собрании в 84-ю годовщину смерти Пушкина», дополненное воображением современников во многих мемуарах дрожавшей от холода «дамой в бальном платье» [11, с. 205].

При этом яркость, экзотичность элементов, сознательно вводившихся Гумилёвым в свою жизнь, подчеркнутое стремление идти по линии наибольшего сопротивления обеспечили формирование мифологемы, которой (с небольшими вариациями) была суждена долгая жизнь: «поэт, путешественник, воин» (Аполлон Давидсон) [3], «поэт и воин» (И.А. Курляндский) [9, с. 254], «поэт, моряк и воин» (М.Д. Эльзон) (Там же, с. 299), «светлый воин, поэт» (Ю. Джанумов) [10, с. 95]. Акцент в устойчивой биографической диаде «поэт – воин», изначально предполагавшей первенство поэтической ипостаси, после трагической развязки сместился, на первый план выдвинулся «воин». Ю. Зобнин упоминает весьма показательную в этом отношении чекистскую легенду, гласившую, что «в самый момент казни некий высший чекистский чин, желая на свой страх и риск спасти Николая Степановича, крикнул: “Поэт Гумилёв, выйти из строя” – и получил в ответ: “Здесь нет *поэта* Гумилева, здесь есть *офицер* Гумилев”» [6]. Эта реплика повторяется в финальной строке стихотворения Р. Евдокимова 1973 г. (*Здесь не поэт, здесь воин Гумилёв* [10, с. 100]), возвращая нас к подчеркнуто буквальной диаде гумилёвской мифологемы.

Этап посмертного «легального» становления мифа (1921–1935 гг.). Начало данного периода ознаменовалось лавиной стихотворных отзывов на смерть Гумилёва. Во-первых, особенностью этих отзывов стал частный характер: урок 1921 г. был усвоен, и на широкое обсуждение стихи не выносились. Тексты передавались изустно, сохранялись в рукописном виде в архивах (впервые большую часть посвященных Гумилёву стихов собрал под одной обложкой В. Крейд в 2004 г.). Так был остановлен общественный диалог, в процессе которого традиционно формируется биографический миф, и подготовлена почва для многовариантности последнего. Во-вторых, современники, лишенные возможности проститься с поэтом по христианским традициям, не видевшие тела и не знавшие места упокоения Гумилёва, в сущности, не писали эпитафии, а пытались договорить, доисповедоваться, хотя бы перекрестить на прощание, как в стихах Э. Багрицкого «О поэте и романтике» (1925). Многие стихотворения напоминали молитвы святому заступнику (Д. Андреев «Гумилёв» (1935) [10, с. 69], Т. Андреева «Лестница в облака» (Там же, с. 71), Д. Кленовский «Как валежник, сухие годы…» (1945) (Там же, с. 105), «Сон о казнённом поэте» (1949) (Там же,с. 108), М. Колосова «Люди нынче измельчали…» (1933) (Там же, с. 113), И. Ратушинская «Письмо в 21-й год» (1979) (Там же, с. 168), М. Струве «Н.С. Гумилёву» (Там же, с. 180)). Неоднократно цитировались строки из гумилёвской поэмы «Мик» (редакция 1914 г.), взятые сначала А. Ахматовой, а затем М. Струве в качестве эпиграфа к собственным стихотворениям, посвященным Гумилёву: *Там Михаил Архистратиг / Его зачислил в рать свою*. Но главное – расстрелянного поэта не признавали мертвым, по крайней мере, мертвым бесповоротно и окончательно. Наиболее кристально эту тенденцию восприятия гумилёвской смерти выразил А. Несмелов: *И ты не человек, а божество / С могилой,* ***превращающейся в гейзер*** (Там же, с. 142). В сущности, имела место уже не просто мифологизация, а своего рода стихийная канонизация поэта.

Конец этапа характеризовался постепенным «закрытием темы Гумилёва» в официальном советском литературоведении. Практически последними публикациями – не столько о Гумилёве, сколько об акмеизме как направлении – в СССР были статьи И. Оксенова «Советская поэзия и наследие акмеизма» и Н. Степанова «Поэтическое наследие акмеизма» в газете «Литературный Ленинград» (№48, 24 за 1934 г. соответственно). В «Малой советской энциклопедии» (2-е изд.) имеются краткая биографическая справка (с упоминанием того, что в 1921 г. поэт расстрелян «за контрреволюцию») и неполный перечень книг. В «Большой советской энциклопедии» (2-е изд.) имя Н.С. Гумилёва не упоминается.

Этап «нелегального» функционирования гумилёвского мифа (1935–1959 гг.). Следует оговориться, что для поддержки мифа, формируемого «снизу», ситуация замалчивания весьма благоприятна. Приведем слова Ю. Зобнина: «…Видели мы, как стихи наглухо запрещенного серьезным (мягко говоря) государственным запретом поэта, не публиковавшегося в родной стране ни разу в течение полувека, цитируют на память в изобилии все, кому не лень – от учеников рабочей школы до светил мировой науки, от студентов на романтическом черномор-

ском пляже до президента США Рональда Рейгана на трибуне Московского Университета…» [6]. Здесь в полной мере проявляется закладывавшаяся на предыдущем этапе многовариантность гумилёвского мифа: массовая устная передача стихов и бессвязных обрывков биографии создает неограниченный простор для мифологизирующего вымысла. Знаменателен следующий факт: в 1933 г. В.В. Вишневский написал пьесу «Оптимистическая трагедия», включив в нее цитату из гумилёвских «Капитанов», что создало поистине сюрреалистическую ситуацию: со всех сцен страны во всеуслышание звучало имя неиздаваемого и неупоминаемого поэта, представлявшего, как следовало из обмена репликами, всю классическую дореволюционную литературу… Нельзя пройти и мимо явно санкционированных цензурой ЦК попыток исподволь сформировать «негативный» вариант гумилёвского мифа: опального поэта цитировали исключительно отрицательные персонажи массовой литературы. Характерными примерами (объединяющими этот этап с последующим) являются очерк Л. Шейнина «Отец Амвросий» (1957), повесть А. Полещука «Эффект бешеного солнца» (1970), рассказ А. и О. Лавровых «Отдельное требование» (1971) (Там же).

Этап «несостоявшейся оттепели» (1959–1986 гг.). Кроме возвращения в «Малую советскую энциклопедию» краткой заметки о Гумилёве, в официальной позиции не изменилось ничего. В рамках реабилитации жертв сталинских репрессий появилась возможность публиковать и обсуждать произведения М.А. Булгакова, А.А. Ахматовой, М.И. Цветаевой, О.Э. Мандельштама и других «писателей из спецхранов», но Гумилёв под эту своеобразную амнистию не попадал, поскольку хронологически относился к «ленинским» жертвам. Соответственно сама постановка вопроса о возвращении этого поэта в литературу означала бы посягательство на непогрешимость «исконной» коммунистической идеологии. Однако блокаду имени Гумилёва регулярно пытались снять: «Литературный кружок ленинградского Дворца Пионеров проводит очередную олимпиаду. Принимаются сочинения на злободневную тематику. Один из участников кружка с подачи своего руководителя пишет сочинение "*Творчество Н. Гумилева*"… И действительно, время было весьма либеральным – и реакция на сочинение оказалась со стороны администрации предельно мягкой: литературный кружок разогнали, олимпиаду запретили, руководителей кружка уволили, у юного любителя поэзии были неприятности в школе – всего-то. Оттепель – она и есть оттепель» [6]. Заслуживает внимания цитирование стихов Гумилёва в произведениях этого периода: детской (!) повести Ю. Качаева «Путь к Лукоморью» (1966) и фантастическом романе И. Ефремова «Час Быка». При этом Ефремов не назвал источник, а Качаев не только почти полностью процитировал «Слово», но и назвал автора, что было немалым риском.

«Официальному» возвращению имени Николая Гумилёва в отечественную литературу предшествовали два события, одно из которых не имеет документального подтверждения, однако является неотъемлемой частью гумилёвского биографического мифа. Речь идет о якобы высказанном желании Р.М. Горбачёвой при посещении Ленинграда «посетить музей известного поэта Гумилёва», следствием чего и явилось спешное снятие запрета [2]. Вторым событием стало письмо, адресованное секретарю ЦК КПСС А.Н. Яковлеву, подписанное многими знаменитыми деятелями культуры и в первую очередь Д.С. Лихачёвым (от чьего имени письмо и было передано в ЦК). Именно здесь во всеуслышание прозвучали весьма смелые по тем временам формулировки «…не написал ни одного произведения, направленного против советского строя», «забвение… наносит безусловный вред отечественной культуре» [4]. Санкционированная публикация стихов и биографии Н.С. Гумилёва 18 апреля 1986 г. в журнале «Огонек», таким образом, разрешала нивелирование «негативной линии» в формировавшемся «сверху» мифе, крушение образа «контрреволюционера и поборника воинствующего империализма» в вузовских учебниках и энциклопедиях.

Этап систематизации мифа (с 1986 г.). С этого времени возобновляется массовый информационный обмен. Введение в литературоведческий обиход частных архивов, кропотливая работа биографов и текстологов позволили сформировать в целом непротиворечивую картину биографии и творчества Гумилёва, но это парадоксальным образом отбросила за ненадобностью современная литература, трансформировавшая гумилёвский миф в «мистическом» ключе. Возможно, сказалось влияние всеобщего увлечения эзотерикой, частично дублировавшее ситуацию начала XX в. Однако в результате появились книги Н. Перумова «Летописи Хьёрварда» (1995), Г.Л. Олди «Витражи патриархов» и «Войти в образ» (1997), А. Лазарчука и М. Успенского «Посмотри в глаза чудовищ» (1998), Б.Г. Штерна «Эфиоп, или Последний из КГБ» (2002)… Отдельного внимания заслуживает мультфильм Ю.Б. Норштейна «Сказка сказок» (1979), прототипом Поэта в котором, по мнению многих исследователей, послужил Гумилёв. Если в произведениях Штерна, Лазарчука и Успенского использовался «посмертный»

отрезок биографического мифа, в домысливании которого авторы были относительно свободны, и при этом «прижизненная» часть биографии не обнаруживала существенных расхождений с официальной версией, то Перумов, Олди и Норштейн вольно заимствовали отдельные элементы гумилёвского мифа, не заботясь ни о мотивировке перенесения поэта в сотворенные ими миры, ни о хронологической отнесенности формируемого образа персонажа к «общепринятой» гумилёвской биографии. Заметный налет мистицизма отмечается и в сублитературном бытовании гумилёвского мифа. В качестве примера можно вспомнить историю о сонете Л.М. Райфельда – якобы результате его «оккультно-поэтической» переписки с покойным поэтом [6].

Таким образом, гумилёвский миф утрачивает рамки хронотопической отнесенности и начинает функционировать в современной литературе как веер возможностей: реальная гумилёвская биография воспринимается как один из множества вариантов, «отражений», проекций вневременного, сошедшего с небес во имя исполнения миссии посланника высших миров.

Изучение принципов и закономерностей мифологизации образа Н.С. Гумилёва не только помогает ориентироваться в разночтениях, встречающихся у биографов поэта и во многом обусловленных давлением мифологического канона, но и способствует более глубокому пониманию современного литературного процесса, неотъемлемой частью которого является мифологизация наиболее значимых в истории литературы имен.

Литература

1. Бондарев А.Г. Чеховский миф в современной поэзии : дис. … канд. филол. наук. Иркутск, 2009.

2. Гузевич Д.Ю., Петрановский В. «Виртуальный» Гумилёв, или Аналитические воспоминания // In memoriam : сб. памяти В. Аллоя. СПб., 2005. URL: http://www.gumilev.ru/biography/42/print.

3. Давидсон А.Б. Николай Гумилёв. Поэт, путешественник, воин. Смоленск : Русич, 2001.

4. Доброзракова Г.А. Пушкинский миф в творчестве Сергея Довлатова : дис. … канд. филол. наук. Самара, 2007.

5. Енишерлов В. Возвращение Николая Гумилёва // Наше наследие. 2003. №67/68. URL : http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6809.php.

6. Зобнин Ю.В. Николай Гумилёв – поэт Православия. СПб., 2000. URL : http://palomnic.org/bibl_lit/obzor/gumilev/pravosl/1_1.

7. Кудряшова А.А. Лермонтовский миф в русской литературе : дис. … канд. филол. наук. М., 2007.

8. Магомедова Д.М. Александр Блок // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). М., 2001. Кн. 2. С. 89–143.

9. Николай Гумилёв: исследования и материалы. Библиография. СПб. : Наука, 1994.

10. Образ Гумилёва в советской и эмигрантской поэзии / сост., предисл., коммент. В. Крейда. М. : Мол. гвардия, 2004.

11. Одоевцева И. На берегах Невы. М. : Худож. лит., 1989.

12. Эпштейн М.Н. Постмодерн в русской литературе. М. : Высш. шк., 2005.

Functioning of Gumilev's myth in the Russian literature of XX–XXI centuries

There are sorted out the main stages of Gumilev's myth functioning in the Russian literature. There are traced the peculiarities of each stage and regarded the most typical texts for them. There are determined the regularities of Gumilev's myth transformation.

Key words: *Gumilev, myth, mythologizing, biographical, functioning.*

Е.Ю. КУЛИКОВА
(Новосибирск)

О МИСТИЧЕСКИХ ПРОГУЛКАХ В СТИХАХ А.А. АХМАТОВОЙ

Рассматривая мистические прогулки в стихах А.А. Ахматовой («Заболеть бы как следует, в жгучем бреду», «Все души милых на высоких звездах»), автор анализирует особенности пространственной организации прогулок-встреч, находящихся на границе реального и ирреального миров, а также отмечает переклички с поэтическими текстами М.Ю. Лермонтова и М. Кузмина.

Ключевые слова: *пространство, движение, динамический аспект, зеркало, двойничество.*

Возвращение и воспоминание, пожалуй, основные мотивы в лирике А.А. Ахматовой: именно через них читателю открывается ее мир, наполненный встречами с друзьями, жи-

© Куликова Е.Ю., 2011